

Евгений Карнович

Юзя

*Часть сборника
Очерки и рассказы из
старинного быта Польши*

Евгений Петрович Карнович

Юзя

(Очерки и рассказы из старинного быта
Польши)

«Много было и в Литве и в Польше прехорошеньких девочек, которых звали Юзей, но, вероятно, не было краше той Юзи, которая росла незаметно в доме небогатого, но доброго и честного шляхтича Тадеуша Юницкого, владельца одного наследственного и двух небольших арендованных фольварков...»

**Евгений Петрович Карнович
Юзя**

Много было и в Литве и в Польше прехорошеньких девочек, которых звали Юзей, но, вероятно, не было краше той Юзи, которая росла незаметно в доме небогатого, но доброго и честного шляхтича Тадеуша Юницкого, владельца одного наследственного и двух небольших арендованных фольварков.

Если и не благословил Всевышний пана Тадеуша особенным избытком, то всё же пан Тадеуш жил в полном довольстве: кладовые его всегда были полны разными съестными припасами, огромные бочки старой водки, пива и мёда и даже несколько бочонков вытравного венгерского стояли в погребу шляхтича, который с настоящим польским радушием принимал приезжавших к нему соседей, приговаривая народную польскую поговорку: "Гость в дом, – Бог в дом".

Радушный хозяин усердно держался дедовских обычаев и преданий, в которых, надобно сказать правду, много было очень хорошего, хотя конечно и не без некоторых недостатков. Пан Тадеуш был образцом настоящего польского шляхтича прежнего времени, он был честен, добр, весел, ладил с соседями, но

высоко однако ценил права шляхты, горячился на сеймиках, побрякивая своею кривою саблею, и не совсем долюбливал жидов, питая в них какую-то наследственную неприязнь. Кроме того, пан Тадеуш, как коренной шляхтич былого времени, умел и сам хорошо поесть и хорошо выпить и вместе с этим угостить у себя в доме, на славу, всех своих приятелей.

Сверх этих качеств, пан Тадеуш отличался, как истинный сын католической церкви, примерно набожностью: он строго постился, отдавал десятину в костёл и укрощал время от времени порывы своей бунтующей плоти ремённой дисциплиной.

Пан Тадеуш, отец хорошенькой Юзи, и самую важность молитвы понимал по-своему: по убеждению его, чем она была длиннее, и следовательно утомительнее, тем более она должна была иметь действительности. Простодушный пан Тадеуш никак не мог отделить понятие о молитве с понятием об усталости, и поэтому самому он всегда искал случая, как бы послушать длинные проповеди, потому что они всего более своею нескончае-

мостью утомляли доброго шляхтича.

Жена пана Тадеуша была тихая женщина, любившая больше всего на свете своего мужа, и потом чистоту и порядок в доме; но однако, когда Бог даровал честной чете, на её радость и утешение, после долгого бесплодия, Юзю, то пани Малгожата (так звали жену пана Тадеуша) сама не знала, порою, кого она больше любит – своего ли дорогого сожителя или маленькую Юзю, которая лепеча ласково протягивала к ней свои пухленькие ручонки.

Жизнь супругов, только изредка, и то по необходимости посещавших лежавшее вблизи от их фольварков грязное местечко, набитое евреями, – текла тихо и однообразно. Летом вставанье вместе с солнцем, а зимою ещё и при свечке, усердная молитва, утренний завтрак, – потому что в ту пору, в которой относится рассказ, чай, как лекарство, продавали только в аптеках, – потом хлопоты по хозяйству, далее – плотный обед, за ним послеобеденный сон, после сна, опять хлопоты хозяйству или чтение душеспасительных книг, затем сытный ужин, после ужина вечерняя молитва и наконец крепкий сон – бы-

ли ежедневною принадлежностью в мирной жизни родителей Юзи.

В праздники и при приезде гостей, обычный образ их жизни изменялся впрочем весьма немного. Поездка в костёл, весёлая и откровенная беседа, рассказы о том, о сём, а порою и пляска под скрипку соседа Ицки, разнообразили несколько обычную жизнь небогатой семьи.

Самым ближайшим соседом и самым задушевным приятелем пана Тадеуша был чиншовый шляхтич, пан Криштоф, старый вдовец, у которого, впрочем остался от жены сын, годами десятью постарше Юзи. Когда сыну пана Криштофа минуло семнадцать лет, отец его (не могший дать ему для устройства его жизни ничего, кроме родительского благословения и одного дуката), следуя праотеческому обычаю, разложил парня, как природного шляхтича, на ковёр и собственною рукою отсчитав ему несколько десятков горячих бизунов, то есть ремённых плетей, с наставлением быть всегда честным и покорным перед старшими, — отпустил его искать счастье в доме одного богатого пана, которому

пан Криштоф приходился каким-то весьма дальним родственником. Но в старинной Польше родство, даже самое отдалённое, давало право на покровительство и доброе расположение.

Молодой Вацлав, поклонившись в ноги родителю и с глубоким почтением поцеловав родительскую руку, давшую ему такое практическое наставление для успехов в жизни, отправился верхом из-под родного крова к своему ясновельможному покровителю.

Скоро ли добрался Вацлав до своего покровителя, нам до этого нет дела; скажем только, что когда молодой панич явился к ясновельможному, то последний спросил его:

– А читать и писать умеешь?

– Учился у пиаров [1], – отвечал Вацлав, – и кончил у них риторику.

– Ну тем лучше, – заметил ясновельможный; – а саблей-то ты как?

– Отец учил меня этому, – бойко сказал Вацлав и смело посмотрел на шляхтичей, стоявших около ясновельможного хозяина.

– Хорошо, – перебил хозяин, – посмотрим много ли ты успел в этом, – и обратившись к

Вацлаву велел ему идти во двор и там по очереди помериться на саблях с каждым из шляхтичей, живших в доме пана.

Конец испытания был в пользу новопривышнего. Довольный хозяин снова обратился к шляхтичу с вопросом:

– Ну, а понимаешь ли ты что-нибудь в хозяйстве?

– Кое к чему присмотрелся у моего отца, – отвечал Вацлав.

Последний свой вопрос заключил ясно-вельможный следующими словами:

– Ну, а как религия? Хороший ли ты католик?..

И получив на это утвердительный ответ, пан объявил Вацлаву, что он принимает его к себе в службу.

В ту пору в доме каждого польского пана жила много молодых дворян. Они по приказанию пана развозили письма, ездили за ним верхом во время его поездок на охоту, в гости или на сеймик; спали по очереди в комнате перед панскою спальней совсем одетые, на случай каких-либо особых приказаний пана в ночную пору.

За молодыми шляхтичами, жившими таким образом в панском доме, строго наблюдали, чтоб они не баловались. Несмотря на попойки, которыми так славилась старинная Польша, пить шляхтичу, не имевшему тридцати лет, было стыдно, и потому молодой шляхте, служившей при панских дворах, строго запрещалось пить вино; им не позволялось также играть в карты, и пойманного в карточной игре или били плетью, или заставляли, при всей молодёжи, съесть рубленые карты, приправленные простым соусом, называемым у поляков бигосом. Молодым шляхтичам, служившим в панском доме, не позволено было ни под каким предлогом входить на женскую половину; однако в большие праздники и в именины хозяина, они имели право танцевать со всеми дамами, приехавшими в гости к их пану.

О науках такая молодёжь вовсе не думала; напротив, если кто-нибудь из среды её принимался читать книги, то над тем беспрестанно подсмеивались, как над монахом, и не давали ему покоя, и напротив тот, кто показывал удаль, кто умел ловко биться на саблях,

метко стрелять из пистолета и смело управлять бешеным конём, тот приобретал и дружбу, и уважение всех своих сотоварищей.

Между тем, как Вацлав жил в доме ясно-вельможного, Юзя росла и хорошела: её светло-голубые глазки делались всё темнее и темнее, её русые волосы, как шёлковые пряди, окаймляли свеженькое личико, на котором белизна, казалось, спорила с румянцем. Подраставшая Юзя, по обычаю всех польских девиц того времени, училась весьма мало; она вытвердила на память несколько молитв, научилась читать не слишком бегло, писать не слишком красиво, обучилась она также и кое-каким незамысловатым, впрочем, рукоделиям; но большую часть года она забавлялась любимой своей кошечкой и ухаживала за цветами, которые она разводила в небольшом садике, бывшем перед домом.

Юзе было лет около двенадцати, когда однажды она с отцом и матерью сидела на крыльце дома. День вечерел, солнце уходило за лес, золотя его вершины; в воздухе стояла неподвижная тишина, и только порою слышался острый крик стрижа, быстро подни-

мавшегося к небу. Вдруг пан Тадеуш, заслонив глаза рукою, чтоб защитить их от красноватых лучей погасавшего солнца, сказал жене своей:

– Посмотри, Малгося, никак к нам гости.

Малгожата, прищурив свои узенькие от излишней полноты глаза, посматривала внимательно на дорогу, по которой, как будто лёгкий дымок, поднималась золотистая пыль, пронизываемая последними лучами солнца.

– Да, это к нам, – отвечала утвердительным голосом Малгожата.

Действительно, через несколько минут перед домом пана Тадеуша стояла уже так называемая каламашка, то есть небольшая тележка, и из неё вылезал старый шляхтич, пан Криштоф, и в то же время с лихого вороного коня ловко и проворно соскочил сын его Вацлав.

Четыре года, проведённых Вацлавом вдали от родительского дома, мало изменили его; правда, он возмужал, окреп и белокурый ус стал сильнее пробиваться над губами, полными свежести.

После обычных приветствий пошли рас-

спросы о том, как поживает пан Вацлав; из этих расспросов оказалось, что ясновельможный, к которому он поступил в услужение, и которому, как мы сказали, он приходился каким-то дальним родственником по бабке, если ещё не по прабабке, был вовсе не из числа магнатов того времени, спесиво посматривавших на бедную шляхту и оскорблявших её на каждом шагу своею надменностью, потому только, что она порою терпеливо переносила эти оскорбления. Покровитель Вацлава был человек добрый и сострадательный; он не хотел пользоваться тем, что прихоть судьбы поставила одного человека в зависимость от другого.

Приезжие гости остались ночевать; поэтому весь вечер, а потом и весь следующий день прошёл незаметно в доме пана Тадеуша. Вацлав рассказывал хозяину и хозяйке о Вильне и о Варшаве, в которых они никогда не бывали и на которые взглянуть они крепко желали. Рассказывал им также Вацлав и о тех боевых стычках, в которых ему уже привелось побывать, говорил он им и о короле, и о сейме, и мало ли ещё о чем толковал Вацлав

хозяину и хозяйке, слушавшим его рассказы с жадным любопытством деревенских жителей.

На другой день, когда, как говорится, спал жар, Вацлав собрался с своим отцом в дорогу. Вороной конь Вацлава стоял у крыльца, выбивая копытами землю.

Вацлав, прощаясь с хозяевами, провожавшими гостей, вышел на крыльцо. Он был, что называется, настоящий молодец; а старинный польский наряд придавал ему ещё более удали. На Вацлаве был жупан из кармазинного сукна, застёгнутый у шеи позолоченными запонками, синий суконный кунтуш с шестью большими пуговицами, выточенными из кровавика. И кунтуш, висевший за плечами на толстом шёлковом шнуре, и жупан были обшиты серебряными галунами. Кривая сабля висела с боку; голову Вацлава покрывала надетая ухарски набекрень небольшая шапка из голубого бархата, с околышком из крымской овчины.

Радужные хозяева провожали своих гостей, а пан Тадеуш с большим кубком венгерского приставал к Вацлаву, прося его выпить

на дорогу.

– Не пора мне ещё пить, – отвечал Вацлав хозяину, – ещё молод я для этого, но так и быть выпью этот кубок, если только ты, пан, позволишь мне его выпить за здоровье моей невесты; – и при этих словах Вацлав показал на Юзю, которая тоже вышла на крыльцо провожать гостя.

Все засмеялись.

– Хорошо, хорошо, пан Вацлав, – говорил пан Тадеуш, подавая ему кубок; – пей за здоровье невесты; только смотри не позабудь её; ведь верно и в Вильне и в Варшаве найдётся много паненок, которые будут и попривоже и побогаче моей Юзи.

– Увидишь, пан, – отвечал Вацлав, – что шляхтич – господин своему слову; – и затем, пожелав здоровья своей будущей невесте, Вацлав разом осушил кубок, ловко вспрыгнул на коня, и держа одною рукою повод, а другою поправляя шапку, сказал смеясь Юзе.

– Смотри же Юзя, – помни своего жениха, через пять лет я за тобой приеду! – и прищпорив коня, он быстро поскакал по дороге. За ним в своей каламашке покатыл и пан

Криштоф. Долго смотрели хозяева вслед отъехавших гостей, от души желая им и здоровья и счастья.

Пошёл опять год за годом. Старик Криштоф часто навещал своего соседа и с подробностями рассказывал ему о своём сыне, который сделался первым любимцем богатого магната. Между тем Юзя подросла и сделалась прехорошенькой невестой; жизнь её шла по-прежнему, только меньше она забавлялась кошкой, но зато больше цветов разводила она каждое лето. Думала ли она о Вацлаве, или нет, – Бог её знает; только Вацлав не забывал, как видно, своей невесты, потому что он сдержал своё слово. Едва, как говорят поэты, наступила для Юзи семнадцатая весна, как Вацлав опять со своим отцом приехал в дом Тадеуша, чтоб выполнить своё слово. Мы не станем описывать красоты Юзи, не потому что у всякого есть свой вкус и что следовательно Юзя, пожалуй чего доброго, иному и не понравится, но потому, что описание наше не представит вполне той кротости и той привлекательности, которыми отличалась Юзя. Мы расскажем только о том, как оконча-

тельно сладилась свадьба Вацлава.

В первый день приезда Вацлава, отец его, после ужина, объявил отцу Юзи, что сын его просит руки его дочери; и когда отцы тут же согласились между собою, то жених, по стародавнему польскому обычаю, упал в ноги своей невесте.

От помолвки и до свадьбы срок в прежнее время был недолог; но между разными хлопотами, которыми обыкновенно бывают озабочены родители в это время, пана Тадеуша занимала в особенности забота о том, где бы достать для Юзиной свадьбы самого лучшего мёду.

В Литве, где жил пан Тадеуш, вёлся обычай, что если основывалось какое-нибудь новое иезуитское учреждение: кляштор ли, больница ли, училище ли, то отцами-иезуитами назначался торжественный день для открытия и для освящения нового учреждения. К этому дню привозили из Полоцка: бочку баторина, то есть мёда, приготовленного иезуитами в то время, когда был заложен в Полоцке королём Стефаном Баторием иезуитский коллегиум. Огромная бочка этого мёда висе-

ла, в месте своего рождения, на толстых железных цепях, тщательно сохраняемая в монастырском подвале. Привозимая же из Полоцка бочка, налитая этим мёдом, была краеугольным камнем всех питейных запасов нового иезуитского учреждения и поэтому она принималась отцами-иезуитами с особым, подобавшим ей почётом. Привезённый из Полоцка мёд употреблялся первый раз при открытии нового иезуитского учреждения, и потом при праздновании каждой его годовщины; кроме того мёд этот употреблялся в именины ордена, то есть в день св. Игнатия Лойолы, и в известных, важных случаях выдавали его не в слишком большом количестве особенным благодетелям иезуитского учреждения, а также и первым его основателям и их нисходящим потомкам; последним впрочем только тогда, когда они были больны лихорадкой. Взятое количество мёда тотчас же доливалось самым старейшим мёдом, бывшим в подвалах отцов-иезуитов.

Запасшись, при содействии своих покровителей, этою драгоценностью, пан Тадеуш уже не видел никакого препятствия в празд-

нованию брака Юзи, и поэтому послал, как это водилось в прежнее время, даже в самые далёкие места запрашивать на свадьбу своей дочери всех, кто приходился ему каким бы то ни было родственником.

Юзя полюбила Вацлава. Нужно ли говорить о том, что каждая девушка, покуда не наступила минута брака, ждёт её с нетерпением; она представляет в своём воображении счастливую жизнь замужества, важность хозяйки дома, свободу женщины, вышедшей из-под той зависимости, в которой она находилась прежде, будучи девушкой. Она беспрестанно занимается хлопотами около приданого, и в этих хлопотах находит для себя и развлечение и забаву; её воображение полно самых сладких грёз, среди которых ей видится она сама в венке из белых цветов.

Но когда наступает пора расставания с родимой кровлей, тогда сердце берёт верх над воображением. В сердце девушки возникают дорогие и милые для неё воспоминания и она, как бы навсегда расставаясь с ними, чувствует какую-то невольную, неодолимую грусть. Ей делается жаль своей скромной го-

ренки и любимого уголка в родительском доме, и выращенных её заботою цветов; с печалью вспоминает она о ласках отца и матери; ей становится жаль и добрых подруг и верных слуг; всё прошлое вдруг оживает перед нею в каком-то обольстительном свете, и она, со слезами на опущенных ресницах, стыдливо подаёт жениху свою дрожащую руку.

Накануне Юзиной свадьбы справили в доме пана Тадеуша по старопольскому обычаю девичник. Вечером в этот день, в ярко освещённой комнате, подруги невесты уселись в тесный кружок готовить для неё венок из розмаринов. Мужчины были в этот вечер на половине, отведённой для жениха, и пили венгерское. К ужину собрались все гости в одну комнату, а в числе их был и знатный пан, покровительствовавший Вацлаву и полюбивший его, как сына. Приехала также на Юзину свадьбу и вдова одного богача-воеводы, считавшаяся какой-то троюродной тёткой жене пана Тадеуша.

Когда вошёл почётный гость, то невеста, по старому обычаю, низко поклонилась ему, а он поцеловал её в голову и благословил её.

Жених, в свою очередь, поклонился в ноги вошедшей знатной пани и получил от неё позволение поцеловать её руку.

После продолжительного ужина, окончившегося одним рано, потому что за ужин принялись спозаранку, – начались танцы; жених в этот вечер не имел нрава не только говорить с своей невестой, но и не смел даже подходить к ней.

Поздно разъехались и разошлись гости по отведённым им хатам и комнатам.

Наступило ясное летнее утро. После тревожной ночи Юзя на рассвете крепко уснула; крепко также спали все гости; не спала только пани Малгожата: грустно ей было при мысли, что она должна будет расстаться с своей Юзей, и она едва сдерживала навёртывавшиеся у неё на глазах слёзы.

Тихо, на цыпочках, вошла пани Малгожата в комнату своей дочери. Всё было просто в этой комнате: белые стены, чистый пол, ситцевый полог над кроватью, а на стене образ Богоматери, окружённый венком из свежих роз; на окнах расставлены были горшки цветов.

Мать стала на колени перед образом, которым её самую благословил отец перед выходом её в замужество и который потом она повесила над колыбелью Юзи.

Едва пани Малгожата кончила свою усердную молитву, как целый рой весёлых девушек влетел в комнату Юзи; это были её подруги. Они держали в руках корзины, полные цветов, на которых ещё висели светлые крупные капли утренней росы, и вся комната наполнилась свежим запахом роз, сирени и жасмина. Девушки звонким смехом разбудили Юзю и поздравили её с наступившим днём брака.

Между тем на дворе, несмотря на раннее утро, раздавался стук экипажей и слышалось хлопанье бичей; в ту пору, по старинному обычаю, и хозяева и гости вставали слишком рано.

Магнат и знатная пани, удостоившие своим посещением свадьбу Вацлава и Юзи, хотели, чтоб обряд венчания был совершен с соблюдением всех старинных польских обычаев. Поэтому, когда стали одевать молодую к венцу, то её посреди комнаты посадили на

кадку с опарой, покрытую богатым ковром и соболем, привезёнными ясновельможным паном в подарок молодой. Дружки расплели Юзе косу и надели на неё белое платье, украшенное букетами цветов и кружевами. У Юзи не было ни дорогих камней, ни золотых безделушек; но их, впрочем, по тогдашнему польскому обычаю и не надевали даже на самую богатую невесту, так как, если б она надела их, то это было бы знаком ожидающего её несчастья и горя. Точно также не надевали на невесту, по тому же самому поверию, ничего красного, ни чёрного.

Платья для молодой и для четырёх её друзей доставила пани-воевода в подарок. В ту пору это был обычай, ни мало не считавшийся оскорбительным.

Между тем все гости собрались в самой большой комнате дома; двери отворились и две прехорошеньких девочки, кузинки невесты, внесли на подносах маленькие букеты из мирта и розмарина. Они бойко подбегали к холостым мужчинам, пришпиливали к их кунтушам эти букеты и желали им жениться. Некоторые, принимая из ручек хорошеньких

подросточков букеты вероятно думали про себя: "подожди, плутовка, я женюсь тогда, когда ты сама вырастешь, – ждать недолго, годика три, четыре!" Раздав холостякам букеты, резвушки побежали опять в комнату невесты.

Спустя несколько времени растворились обе половинки дверей и вошла молодая, в сопровождении своих двух близких родственников; за нею её кузинки несли на блюде миртовый венок. Мать надела этот венок на Юзю, и в это время у Юзи слёзы, как брильянты, посыпались из опущенных вниз голубых глаз; после благословения Юзи отцом, мать положила ей за пазуху венгерский червонец с изображением Богородицы. Юзя упала в ноги отцу, жених сделал тоже.

– Да благословит вас Бог! – сказали разом все голоса, и следом за молодыми вышли на крыльцо, чтоб отправиться в костёл.

По принятому тогда обычаю, дамы поехали в экипажах, мужчины верхом; в костёле и жених и невеста стояли отдельно. Из костёла молодые вернулись уже вместе, сидя рядом в карете. Обед ждал их. Жениха и невесту посадили на первое место и начался весёлый

обед.

После обеда, пожилые гости принялись за венгерское, а молодёжь за танцы. Началось, по обыкновению, с польского; почтенный гость взял молодую, прошёлся с нею и потом передал её руку Вацлаву. В это время один из родственников Юзи, препожилой адвокат, обучавшийся сперва у иезуитов, выступил с поздравительною речью; вся напыщенная и восторженная речь адвоката, в которой перечислялось родство жениха и невесты с наиболее знаменитыми фамилиями в Литве и Польше, и превозносились добродетели родителей брачной четы – была перемешана латинскими фразами и изречениями вроде следующих: *uxor bona corona caritatis*, т. е. добрая жена есть венец главы и пр.

После продолжительной речи, которую все гости слушали с желанием, чтоб она поскорее кончилась, начались непрерывные танцы и между ними весёлая мазурка, в таком виде, в каком танцевали её в старинной Польше.

Каждый кавалер, без различия возраста, брал ближайшую к нему даму и становился в общий круг; девицы нежно брались за пла-

тъице и выставляли вперёд свои маленькие ножки. Раздались первые звуки мазурки и несколько пар разом ринулось в середину круга. Задрожала комната от притоптывания каблуками, и быстро понеслись девушки, извиваясь, как змейки, около молодцеватых кавалеров. Мазурка привела в восторг всех, и даже самые дряхлые старики, стоя на месте, били ногами в такт и от удовольствия хлопали молодёжи в ладоши, в знак поощрения.

Долго длились танцы; за ними начался ужин. За ужином, как и за обедом, дамы уселись по одной, а мужчины по другой стороне стола. Весёлый говор и смех не прекращались ни на минуту. Во время ужина пили опять за здоровье молодых и втихомолку от молодых желали побывать у них на крестинах.

После ужина, в полночь, молодая ушла незаметно из комнаты, где были гости; а час спустя проводили к ней в спальню с музыкой и молодого. В комнате перед спальней был накрыт стол, а на нём стояли сласти. Мужчины с рюмками в руках пожелали молодым здоровья...

Всё это весьма часто бывало в прежнее

время, которое многие безусловно хвалят и за бывшую в ту пору скромность, и за царствовавшее тогда строгое благочестие; но которое однако, как заметил один польский писатель, "всё-таки не было так скромно и так благочестиво, как твердят о нём молодым старые люди". В ту пору, по словам этого писателя, крепко пили, ссорились, дрались, венчались для приданого или для протекции, и весьма часто разводились вскоре после брака.

Быть может, что и это несомненная правда; но мы также знаем и то, что Вацлав и Юзя обвенчались без всякого расчёта, что на их свадьбе никто ни с кем не поссорился и не подрался, хотя и надобно сказать правду, что вследствие мёда и венгерского многие гости не могли привстать с своих мест. Знаем также и то, что Вацлав и Юзя прожили дружно и счастливо слишком тридцать лет, и что они оставили после себя целую дюжину детей, – дочерей похожих на мать, а сыновей – на отца.

Примечания

Пиары – орден монахов, существовавший в Польше и Литве и заботившийся в особенности об образовании юношества.

[^^^]